На правах рукописи

СКУТИН Антон Сергеевич

ЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРОТОЭТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И АЭТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ (ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания

(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Тюмень

2015

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВО «Тюменский государственный нефтегазовый университет».

Научный руководитель: **Шабатура Любовь Николаевна**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Герасимова Ирина Алексеевна**
доктор философских наук, профессор,
ФГБУН Институт философии РАН,
главный научный сотрудник

Анисин Андрей Леонидович
доктор философских наук, доцент,
ФГКОУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», начальник кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»**

Защита диссертации состоится 25 ноября 2015 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625003, Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Тюменского государственного университета http://d21227402.utmn.ru/defenses.

Автореферат разослан «__» сентября 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент *А. И. Павловский*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. На протяжении всей философско-этической ретроспективы прослеживается существование проблемы, которую мы обозначаем в качестве морального дефицита сознания. Он может быть измерен, ссылаясь на обращение М. Шелера к Зальцбургскому антропологическому конгрессу (1926 г.), в объемлющих все человечество границах мании величия (самовозвышения) и самоуничижения, экзистенциальной цикличностью общечеловеческих состояний ожидания и разочарования. С учетом того, что обозначенные состояния сознания вновь и вновь обнаруживаются у истоков кризисов проходящей эпохи жизни человеческой цивилизации, проблема дефицита является наиболее актуальной в современной ситуации.

В этой связи генеральное предназначение этического познания актуализируется нами в необходимости образования этико-аподиктических взаимоотношений, являющих реальный пример трансформации морального (этико-эпистемологического) дефицита сознания. По мере определения содержания таких отношений актуализируются проблемы этического познания, которые связаны с подчеркнутым заглавием диссертационной работы поиском сущности этического мышления. При этом поиск названной сущности осложнен неразрешенностью и противоречивостью многочисленных последствий морального дефицита сознания, непроясненностью генезиса последнего как их коренной причины. В результате попытки практического преломления существующих идеалов этических взаимоотношений в основном остаются мотивированными, апеллируя к Ф. Ницше, «взаимно свирепствующими» и «взрывающимися эгоизмами».

Разделяя позицию Сократа, Августина, И. Канта, Л. Н. Толстого, М. Шелера о примате этического порядка познания над его теоретическим порядком, констатируем, что практически вся западноевропейская теория познания образуется из означенных этико-эпистемологическим дефицитом сознания диапазонов взаимоотношений. Ими же порождены, либо поражены практически все на сегодняшний день известные концепции этико-эпистемологического универсализма и партикуляризма. Поэтому поляризация, возникающая в связи с оными полюсами и являющаяся одной из актуальных проблем исследования, остается неразрешенной (непонятой) в своей противоречивости, то есть генерируемой из состояний морального дефицита «взрывающихся эгоизмов».

Этическое мышление универсалистов ориентированно на, как они считают, предустановленный вечностью аксиологический порядок, тогда как мышление сторонников партикуляристских концепций отличается релятивизмом принципов этических взаимоотношений. В основном обе позиции остаются непонятыми (само собой разумеющимися) в своих основаниях. Они скорее усугубляют, чем разрешают проблемы цивилизационного скептицизма (Э. Гуссерль), умножают предубежденности в противоречащих друг другу определениях сущности этического мышления

(совокупности формируемых в соответствующих им взаимоотношениях качеств-ценностей человека). В результате кризисы планетарного масштаба объясняются рядом этических проблем, возводимых на почве непроясненной само-собой-разумеемости (Selbstverständlichkeit) основоположений этико-эпистемологического универсализма и партикуляризма, постулируемых в статусе извечно-философских. Актуален анализ социокультурных конфликтов-результатов непримиримости универсалистских и партикуляристских представлений о должном/сущем, неопределенности генезиса локальной (социокультурной, персональной) несогласованности последних, противоречивости соответствующих им оценок моральных гетерономии и автономии. К представленному перечню проблем следует добавить, что призывы этических универсалистов, в основном, не выходят за рамки идеализирующего авторитаризма, этического формализма и мистицизма, тогда как сторонники этического партикуляризма отличны этическим сентиментализмом, безликим монизмом попустительствующего к этической деградации и толерантного к плюрализму моральных стандартов взаимоотношений демократизма.

Масштабность этико-эпистемологической противоречивости взаимоотношений представителей абсолютизма и релятивизма выражен в представленном П. А. Сорокиным разделении социокультурного универсума на два полюса: идеационально-идеалистический и сенситивно-идеалистический. С одной стороны, признаются этики счастья и истины чувств, а с другой – этики абсолютных норм и сверхчувственно-сверхрациональные методологии их интуитивного постижения, апогеем которых является этический стандарт (чистота) взаимоотношений на платформе любви-агапэ. К сожалению, в этико-философской ретроспективе даже он подвержен искажениям «свирепствующих эгоизмов», когда заповеди любви небезосновательно определяются в качестве «утонченнейшего цветка ресентимента» (Ницше), когда все любимое любимо только в качестве противоположности ненавидимому.

Представленными этико-эпистемологическими тенденциями партикуляризма и универсализма устанавливается диапазон обозначенной в заглавии диссертационного исследования проблемы этически-негативной (аэтической) поляризации естественного мышления. Ее возникновение связывается нами с отсутствием глубокого понимания возвышающейся над противоречиями партикуляризма и универсализма и примиряющей их сущности этического познания. Обратим внимание на то, что ключевую роль в формулировке проблемы и поиске эссенциально-этического мышления сыграла возможность феноменологического определения потенциалов социокультурной поляризации через характерную для «естественного человечества» (natürlichen menschlichen) несводимость психофизической (релятивистской) и эйдетической (абсолютистской) установок «естественного познания» (natürliche Erkenntnis).

Согласно феноменологическому подходу, суть «естественного познания» выражается в пронизанном психологизмом ассоциативно-пассивном смыслообразовании – «седиментации духовных произведений в форме

окаменевших языковых приобретений, которые могут быть переняты кем бы то ни было только пассивно»[1]. Оно образуется на основе само-собой-разумеемости индуктивно-психофизических (далее – ЧСО), формально-логических (далее – ФЛО) и априорно-метафизических (далее – АМО) этико-эпистемологических очевидностей «единства-вне-опыта» (В. И. Молчанов) неагрессивных различений «сознания изначально-подлинного» (Гуссерль). Другими словами, эпистемологическая агрессивность названного единства, включающего поляризацию этического партикуляризма и универсализма, по сути (феноменологически), обнаруживает невосприимчивость субъектов-эгоизмов «естественного познания» к смысловой основе «единства как опыта» аподиктических очевидностей, к интенционально-интерсубъективным переживаниям «чистого сознания» (Гуссерль). В результате неизбежно приводящее к «внутренней пустоте овладевших всей европейской культурой направлений воли» (Гуссерль) «овнешнение» этико-аподиктического познания (качеств) взаимоотношений «Жизненного мира» (Гуссерль).

В познании сущности этического мышления представляется актуальным феноменологическое различение естественно-теоретической (психологистской) и интенционально-феноменологической (персоналистической) установок сознания, а также служащий его трансформации метод феноменологического воздержания. Первая из них отлична этическими переживаниями-модификациями «единства-вне-опыта», которые утратили ясность связи со своей конституирующей основой-потоком аподиктических переживаний чистого сознания. Поэтому мышление, основанное на ассоциативно-пассивной смыслообразующей активности «естественного познания», в настоящем диссертационном исследовании определяется в качестве аэтического (психологистского, внутримирного). Вторая ориентирована на изначально-творческую (протонастоящую) смыслообразующую активность прасимволических переживаний «одинокой душевной жизни» (einsamen Seelenleben) примордиальной субъективности. Мышлением (логикой сущностей) такого рода намечается перспектива взаимозависимой (доверительной, благодарящей) работы по трансформации господствующего в человеческой цивилизации дефицита аэтических взаимоотношений в изобилие персоналистических отношений аутентично-этического Человека.

Следует подчеркнуть, что осевым в решении феноменологически центральной проблемы определения примиряющей (протоэтической) сущности этического мышления является актуальность обоснования персоналистической коммуникативности, строящейся на основе взаимоактуализирующей восприимчивости к прото-языку переживаний субъектов чистого сознания. Ее разрешение служит устранению сомнений в изначальном единстве конститутивных структур смысловой генерации всего наследия этико-аподиктического знания человеческой цивилизации и в общности способов его преемственности, а также определению универсальных (общечеловеческих)

[1] Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. С. 222.

этико-эпистемологических принципов построения общества (этических взаимоотношений) солидарной ответственности планетарного масштаба.

Объект исследования – этико-эпистемологические концепции в контексте феноменологического проекта Э. Гуссерля.

Предмет исследования – восприимчивое к этико-аподиктическим переживаниям чистого сознания протоэтическое мышление и его возможности в преодолении аэтической поляризации мышления «естественного человека».

Цель диссертационной работы – обоснование коммуникативной (интенционально-интерсубъективной) сущности протоэтического мышления как альтернативы эпистемологически-агрессивной поляризации аэтического мышления «естественного человека» и как этико-эпистемологической основы персоналистического становления ценностей этических взаимоотношений идеационально-идеалистической социокультуры.

Ее достижение сопряжено с последовательным разрешением ряда **задач**.

1. Показать заданные этико-эпистемологические пределы психологизма «естественного человека» в доредукционный период его исследования Э. Гуссерлем и в период феноменологического воздержания (§§1.1-1.2).

2. Выявить черты аэтической установки познания и содержание ее аэтической поляризации (абсолютизма и релятивизма) (§1.3).

3. Представить отражение аэтической поляризации и связанных с нею проблем в измерениях социокультурного универсума П. А. Сорокина, исследовать пятиуровневую модель этического познания (§1.4).

4. Исследовать метод феноменологической редукции и проблемы, определяющие дискретность его осмысления и искажение сущности концепции интенциональной жизни сознания, наметить этико-эпистемологические глубину и масштабность замысла феноменологического универсализма (§2.1).

5. На примере М. Шелера осмыслить свойственное большинству соратников феноменологического движения «падение» в принципиальный трансцендентальный психологизм и прояснить асимволическую специфику мышления феноменологической беспредпосылочности (языка аподиктической реактивации изначальной очевидности) (§2.2).

6. Определить сферу протоэтических переживаний «одинокой душевной жизни» и посредствам возможности установления на основе редукции персоналистически сопереживаемых прескрипций (откровений) обосновать коммуникативную сущность протоэтического мышления (§2.3).

7. С платформы персоналистической рациональности осмыслить возможность построения этоса радикальной автономии, предполагающего персоналистические прескрипции в отношении принципов (ценностей) этических взаимоотношений идеациональной-идеалистической социокультуры, а также утвердить связанный с ними и представляемый в качестве футурологической перспективы цивилизационного развития общечеловеческой культуры этико-эпистемологический стандарт агапэ-отношений (§2.4).

Степень научно-теоретической разработанности проблемы. Исследуемые в диссертации вопросы разрабатывались в работах зарубежных и

отечественных философов. К их числу принадлежат труды И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Шелера, Н. Гартмана, А. Швейцера, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса. Интересующие нас проблемы этического познания также отслеживаются в работах С. Ф. Анисимова, А. А. Гусейнова, Р. Г. Апресяна, С. Н. Земляного, Л. Н. Шабатура.

В философско-этической ретроспективе определение сущности этического мышления традиционно рассматривается в свете этико-эпистемологического универсализма и партикуляризма, абсолютизма и релятивизма (Р. Г. Апресян). Их противоречивость (аэтическая поляризация), как правило, осложнена проблемами типа этического сентиментализма, формализма, несоответствия сущего/должного, псевдоидентификации субъективности, экзистенциальной отчужденности-самоизоляции. Несводимость стоящих за универсализмом и партикуляризмом этико-эпистемологических ориентаций дедуктивно-теоретического мышления (ФЛО – формально-логической очевидности; АМО – априорно-метафизической очевидности) и индуктивно-теоретического мышления (ЧСО – чувственно-созерцательной наглядности) обосновывается Э. Гуссерлем уже в «Пролегоменах к чистой логике» (1900) и в углубленной редукцией перспективе рассматривается в его последующих работах. Эпистемологическая триада очевидностей индуктивного и дедуктивного типов психологистского мышления субъектов «естественного познания» (ЧСО, ФЛО, АМО) отражена в целокупной цивилизационной ретроспективе накопленного человечеством этического наследия. Осмыслению психологистского единства обозначенных типов мышления и этико-эпистемологической альтернативы интенционально-феноменологического мышления в диссертационном исследовании служит ряд трудов Э. Гуссерля. Среди них «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), Амстердамские доклады (1928), «Картезианские медитации» (1931), Венский доклад «Кризис европейского человечества и философии» (1935), «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1935-1936) и «Начало геометрии» (1936). Тем же целям способствует обращение к переписке и существенному перечню иных работ феноменолога.

Этико-эпистемологические вопросы в феноменологическом подходе разрабатывались в работах М. Шелера, Г. Шпигельберга, А. Гурвича, Х. Р. Зеппа, Н. В. Мотрошиловой, П. П. Гайденко, Я. А. Слинина, Э. Ю. Соловьева, А. Г. Чернякова, С. Н. Землянова, Ю. О. Орловой, И. А. Михайлова, Г. Л. Тульчинского, З. А. Сокулер. Значимыми в осмыслении психологизма естественной установки сознания и проблем непонимания метода «обращения» к интенционально-интерсубъективной сфере переживаний чистого сознания являются исследования А. Щюца, Э. Штайн, О. Финка, Ж. Деррида, И. Керна, Л. Ландгребе, Э. Левинаса. В понимании движения от периферии к сути метода феноменологической редукции имеют значения работы Ф. Брентано, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Г. Г. Шпета, В. Бимелья, Д. Карра, А. Вэленса, С.

Башляр, Г. Берже, Ф. Фельмана, К. Мёккель, а также З. М. Какабадзе, Д. Н. Разеева, А. В. Ямпольской, А. Паткуля, В. А. Ладова, В. А. Куренного, Р. А. Куренковой, И. Б. Микиртумова, А. Н. Суворовой.

В различении дискурса естественной установки познания (Мышления) и феноменологического антидискурса (Сознания) значима монография «Сознание против Мышления: феноменологическое исследование» (2013) В. Б. Сокола. Принципиальна представленная в работе «Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания» (2004) В. И. Молчанова проблема эпистемологической агрессивности, а также с нею связанный феномен ресентимента, исследуемый Ф. Ницше и М. Шелером. Этико-эпистемологический потенциал феноменологического воздержания раскрывается нами в сопоставлении методологических интуиций Э. Гуссерля и Д. Б. Зильбермана. В анализе центрированного феноменологическим радикализмом учения Э. Гуссерля и не преодолевшего рубеж принципиального трансцендентального психологизма ценностно-феноменологического подхода М. Шелера значение возымели работы А. Щюца, Л. Ландгребе, Г. Шпигельберга, Г. Гадамера, К. Мёккель, С. Н. Земляного, Л. Н. Румянцевой, М. Габеля, Л. А. Чухиной, М. Л. Хорькова, С. В. Васильевой, Д. И. Роинашвили. Проблема коммуникативной основы сущности этического мышления отражена в трудах самого Э. Гуссерля, частично в работах К.-О. Аппеля, Ю. Хабермаса, В. Д. Плахова, С. Ф. Мартыновича, Г. Б. Юдина, И. Д. Зайцевой.

Несмотря на широко представленный в ретроспективе этической философии перечень исследований сущности этического мышления, с учетом сопутствующих при ее феноменологическом выявлении проблем аэтического порядка, до сих пор отсутствует единый подход в ее понимании, который бы соответствовал поставленным перед феноменологией как наукой наук задачам удовлетворения общечеловеческих нужд этико-эпистемологического плана. В связи с этим проясняется ответственность впервые представленных в диссертационном исследовании шагов в направлении этико-феноменологического осмысления достигаемой в социокультурном универсуме масштабности аэтического психологизма очевидностей (ЧСО, ФЛО, АМО) «естественного познания», а также в определении примиряющей (протоэтической) сущности этического мышления персоналистического человечества. Осмыслению с ними связанного социально-этического среза диссертационной работы послужили основанные на широчайшем эмпирическом материале исследования П. А. Сорокина социокультурного универсума и ряд им вторящих философских разработок.

Методологические основания исследования. Центральное положение в диссертационной работе отведено прояснению (реабилитации) сути метода феноменологического воздержания (Epohe), интенционально- или трансцендентально-феноменологической редукции Э. Гуссерля. Она выступает в качестве краеугольной методологической основы исследования примиряющей (протоэтической) сущности этического мышления. Применительно к осмыслению эпистемологической агрессивности

психологизма «естественного познания» важную роль сыграли представленные В. И. Молчановым в свете эпистемологического «единства-вне-опыта» и «единства как опыта» (сознания изначально-подлинного) различения различений (самосознания) разработки феноменологической методологии. Осуществляемая в работе ресентиментальная проекция агрессивности аэтической установки актуализировала восходящий к Ф. Ницше «ресентиментологический подход» (Р. Г. Апресян) в этико-философском познании. Помощь в осмыслении «проблемы непонимания» и реабилитации универсализма феноменологического познания Э. Гуссерля оказал разработанный В. Б. Соколом метод дискурсивного анализа феноменологической трансформации естественной установки на интенциональную установку и представленная им трехступенчатая конкретизация процедуры редукции (Epohe). Осмыслению эпистемологического универсализма феноменологической установки послужило обращение к герменевтическим интуициям модального методологизирования Д. Б. Зильбермана. Также следует упомянуть о принципиальной значимости специфически-феноменологического (авторского) прочтения онтогносеоэтических магистралей (интегрированных суперсистем) социокультурного универсума П. А. Сорокина. Кроме того, на различных этапах исследования использовались метод компаративного анализа, историко-теоретическая репродукция.

Научная новизна работы:

1. Впервые определяется аэтическая сущность психологизма «естественного познания». Принципиально, что вопреки предполагаемой им этико-эпистемологической несводимости переживаний индуктивно- и дедуктивно-теоретического мышления определяющие их типы эпистемологической очевидности (ЧСО, ФЛО, АМО) едины в отрешенности ассоциативно-пассивного смыслообразования «естественного познания» от смыслообразующей активности «чистого сознания» (§§1.1-1.2).

2. Впервые выявляются признаки аэтической установки субъектов «естественного познания» как следствия лежащего в его основе ассоциативно-пассивного смыслообразования. Содержание ее аэтической поляризации выражено в единстве эпистемологической агрессивности представителей этического партикуляризма и универсализма (§1.3).

3. Впервые проведен анализ аэтической поляризации в масштабах социокультурного универсума П. А. Сорокина, в первом приближении представлена примиряющая ее этико-эпистемологические полюса этико-феноменологическая альтернатива и составлена пятиуровневая модель этического познания (§1.4).

4. Определена генеральная причина эквивокаций (проблемы непонимания) этико-эпистемологических перспектив беспредпосылочности феноменологического воздержания, которая усматривается в «искушении» дискурсом ассоциативно-пассивного смыслообразования «естественного человека», «многоэготизм» хабитуальной субъективности которого ведет к

аэтической самоизоляции «Я». Выявлена перспектива универсализма этико-феноменологической альтернативы, определяющей источник конституирования проективно-теоретического универсума «философского ткачества» (Д. Б. Зильберман) и тенденции преображения кризисного сознания. Осуществлено социокультурное преломление трехступенчатого алгоритма феноменологической редукции.

5. Определен интерсубъективный источник генерации всевозможных типов этического мышления – надмирно-априорная (интенциональная) сфера внеязыкового ноэтико-ноэматического содержания чистого сознания. Конкретизируется асимволическая специфика восприимчивого к ней состояния феноменологической беспредпосылочности как основы ориентированного на этико-аподиктическое знание протоэтического мышления (§2.2, §2.3).

6. Обосновывается возможность построения независимой от психофизически- и эйдетически-мыслимого по-себе-бытия аподиктической этики «души» (Seele, Geist). Проясняется сущность беспредпосылочности феноменологического воздержания в свете ее полноценной завершенности в коммуникативно-персоналистическом процессе этической самоидентификации и взаимоактуализации «души» (§2.3).

7. Впервые с этико-телеологической платформы персоналистической рациональности доказывается возможность построения этоса радикальной автономии и переосмысливаются принципы этических взаимоотношений идеационально-идеалистической социокультуры. На основе чего предлагается этико-эпистемологический стандарт агапэ-отношений в качестве основы цивилизационного развития общечеловеческой культуры (§2.4).

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Психологизм «естественного мышления» определяется через пассивное (дискурсивное, «внутримирное») смыслообразование познания «естественного человека». Его аэтическая суть выражается в невосприимчивости субъектов «естественного познания» к актуально-этической (внеязыковой, «надмирной») изначально-творческой смыслообразующей активности сферы переживаний «одинокой душевной жизни». Подобная оценка нехарактерна (радикальна) для подавляющего большинства существующих концепций этического познания. Этический потенциал психофизически- и эйдетически-мыслящих субъектов «естественного познания» ограничен апостериорным этически-сентиментальным познанием индуктивно-теоретического (ЧСО) мышления и априорным этически-формальным познанием дедуктивно-теоретического (ФЛО, АМО) мышления. Само-собой-разумеемость несводимости обозначенных этико-эпистемологических потенциалов в ретроспективе западноевропейской философской этики оставляет латентной ряд проблем аэтического порядка: принципиального трансцендентального психологизма (сущностной двусмысленности субъективности), непонимание генезиса несоответствия сущего/должного. В качестве стартовой платформы «перехода» к смыслообразующей активности чистого сознания признается катафатический

исход фундаментального для классической теории познания чувства «абсолютной нищеты познания».

2. Коммуникативное пространство при аэтической установке познания полностью подчинено «языковой игре» ассоциативно-пассивного смыслообразования, седиментациям (языковым модификациям-осаждениям) изначальных переживаний «одинокой душевной жизни». Многообразие этических стандартов взаимоотношений в аэтической установке сводится к аэтической поляризации мышления «естественного человека»: этически релятивному партикуляризму и абсолютизму этического универсализма. Само-собой-разумеемостью основоположений присущих им подходов познания натурализируется (идеализируется) содержание соответствующих практик взаимопониманий, которые остаются едиными во взаимоисключающей и самоуничтожающей эпистемологической агрессивности. В отличие от неагрессивности сознания протонастоящего как сознания чего-то исходно немодифицированного агрессивность влечет этико-эпистемологическую подчиненность темпоральным модификациям-состояниям ожидающего самовозвышения и разочаровавшегося самоуничижения, а также состояниям отсутствия в настоящем этико-аподиктического «внутреннего расстояния» между стимулом и реакцией.

3. Социокультурное преломление аэтической установки познания, осуществленное на материалах П. А. Сорокина показало, что предложенный им социально-феноменологический способ прочтения социокультурной реальности оспаривается в своей феноменологической аутентичности. В ракурсе эпистемологической агрессивности «единства-вне-опыта» сознания изначально-подлинного обнаруживается, что онтогносеоэтические взаимосвязи интегрированных социокультурных суперсистем П. А. Сорокина подчинены очевидностям «естественного познания» и онто-гносеологической конгруэнтности (наложения) микроструктур онтологической и гносеологической дискурсивных программ (ОД и ГД). В результате констатируется три мировоззренческих магистрали ОД-осмысления категорий сущего/должного и проблем их несоответствия. Во всех с ними связанных случаях эпистемологическая агрессивность (невосприимчивость) оказывается двигателем ценностных переворотов, к сожалению, остающихся безучастными (неспособными) к глубоко-внутреннему (протонастоящему) этическому преображению сознания человека.

Обосновывается плодотворность пятиуровневой модели этического познания, в которой различаются психофизический, формально-логический (логико-лингвистический), априорно-метафизический, гносеологический и феноменологический этико-эпистемологические стандарты взаимоотношений, соответствующие им типы этического мышления. Гносеологический стандарт остается пограничным и в своем становлении ориентирован на апофатический, либо катафатический исход чувства «абсолютной нищеты познания». Несмотря на это признаются неоспоримыми обоснованные П. А. Сорокиным полюса-векторы этического развития социокультурного универсума: принципы

сенситивно-идеалистической этики «тела» и принципы идеационально-идеалистической этики «души» (в персоналистически переосмысленной терминологии: энтропийный стандарт эрос-отношений и негэнтропийный стандарта агапэ-отношений).

4. Вопреки ассоциативно-пассивной несогласованности объективированных ценностей и систем знания многочисленных культурных миров глубина и масштабность перспективы этико-феноменологического универсализма определяется существованием всеобщей когнитивной структуры генерации всех человеческих типов и типов культур. Творческой протоактивностью сознания как абсолютной почвой универсальной мудрости, охватывающей совокупное деяние субъективности, в частности, определена исследуемая Д. Б. Зильберманом «симфония» моделей философского мышления. Путь выхода к всеобщей когнитивной структуре намечается через социокультурную проекцию трехступенчатой процедуры феноменологической редукции. Заключению в скобки подлежат: научная «эмпиричность» психофизического субъекта чувственной социокультуры и авторитет ЧСО, языковые седиментации философской «рационалистичности» представителей идеалистической социокультуры и авторитет ФЛО, религиозная «метафизичность» идеационально-идеалистической социокультуры и авторитет АМО.

5. Надмирно-априорная (интенциональная) сфера внеязыкового ноэтико-ноэматического содержания чистого сознания определяется в качестве основы генерации всех типов этического мышления. Она – суть эмоционально-протоэтическая сфера «одинокой душевной жизни». Специфика ее познания отличается, во-первых, эпистемологическим нагромождением отрицаний и признанием запланированной непонятности ориентированной на достоверное познание гносеологической дискурсивной установки. Во-вторых, беспредпосылочностью (восприимчивостью) феноменологического воздержания к сущностной телеологии укорененной в любви и смирении установки духовного созерцания, для которой язык являет функцию указателя на то, что нужно усмотреть за его свидетельствами и служит интерактивной потребности в передаче прасимволического опыта ценностей-переживаний.

6. С открытием антидискурсивного «пространства» надмирно-одинокой (Allein-sein) жизни примордиальной субъективности оправдано построение независимой от эмпирически- и эйдетически-мыслимого бытия «естественного человека» аподиктической этики «души» (духа). В отличие от большинства этических концепций она базируется на незыблемости общечеловеческой сопричастности «Жизненному миру» как интерсубъективному универсуму переживаний, предполагающему допустимую через осознанное пестование ноэматического среза сознания работу с ноэтическим срезом сознания: [квази]реальные (явливаемые) моменты-переживания как исходные «придания смысла» определяются в качестве конститутивного фундамента неизменности ирреальной явленности ноэматического аспекта переживаний как поля несгораемых смыслов в их точном значении. Жизненным универсумом прото-

языка переживаний представлена альтернатива этико-феноменологической беспредпосылочности к массово ангажированной аэтической коммуникативности. Принципиальную значимость в развитии идей феноменологической этики имеет то, что процедура беспредпосылочности обретает свою целостность только в интенционально-монадологической (протоэтической, персоналистической) коммуникативности. Она отличается:

- восприимчивостью к прото-языку переживаний, способностью к протоэтическому пониманию любой мировоззренческой позиции, созданием отношений на основе обмена этико-аподиктическими переживаниями;
- преемственностью духа уважения, незыблемого условия аккумуляции жизненной (этической) силы (смыслов) прото-моментов взаимопонимания;
- ценностным стандартом, исходящим из аподиктического прояснения возникающих в коммуникативной интеракции прескрипций (откровений);
- гармонией-силой субординации этико-аподиктического знания (изнутри постигаемого «исконного знания» интерсубъективного «голоса совести»);
- квалификацией протоэтически мыслящего актора, обязываемого к воздержанию от аэтической заинтересованности в интересах «тематизируемых» им личностей и к пестованию с «Другим» квалификации усматривающего (самопреображающего) вопрошания о глубинных эмоциях-мотивах чистого сознания при интенционально-интерсубъективном обнаружении опыта этико-аподиктических переживаний;
- неагрессивным этическим преображением, резонирующим радикальной автономии общечеловеческой телеологии аподиктического разума как осознанности (созидания) универсума в (ценностном) протонастоящем.

7. Взаимоотношения персоналистической рациональности являются базовыми в осмыслении идеационально-идеалистической перспективы ценностной трансформации социокультурного универсума. Ими предполагается единая этически-телеологическая «наука наук» о мире, признается «один культурный мир» (аподиктически-примордиальная традиция) универсально-этического человечества и возможность построения конституируемого из прото-моментов взаимопонимания этоса радикальной автономии (по форме дублирующего общественное устройство варнашрамы, либо платоновского государства). Его жизнь предрасположена (восприимчива) к протоэтической реактивации принципов агапэ-отношений, движима верой в общечеловеческое духовно-аподиктическое единство. В агапэ-отношениях пестуется здоровый стержень «одинокой душевной жизни», интерсубъективно интегрирующей (внимающей) переживания вечных ценностей (чистота, милосердие, аскетизм самопожертвования, правдивость) и глубокой самоответственности в общечеловеческом служении.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследованием феноменологического персонализма открывается ряд научно-исследовательских перспектив ***теоретического*** характера. Во-первых, различаются принципиальные в определении этической дееспособности теоретического познания протоэтическая и аэтическая стратегии

смыслообразования. Во-вторых, с прояснением коммуникативно-персоналистической сущности беспредпосылочности феноменологической редукции выявляются новые возможности в решении актуальных проблем современной феноменологии (интерсубъективности, феноменологии разума, этики и религии). В-третьих, вводится ряд категорий, проясняющих потенциал феноменологической этики: аэтическое мышление, аэтическая поляризация, протоэтическое мышление, прото-язык переживаний «одинокой душевной жизни», протоэтическая коммуникативность, персоналистическая прескрипция. В-четвертых, обосновывается возможность построения аподиктической этики «души» (духа) как «науки наук» планетарного масштаба, определяющей единую модель этической эволюции сознания протоэтически единого человечества. В-пятых, определяются персоналистические основания общечеловеческих процессов воспитания и образования.

Практическая значимость работы выражена в том, что, во-первых, существованием аподиктически-примордиальной традиции универсального этического человечества постулируется возможность над-культурного стратегического планирования разрешения социокультурных кризисов аэтического порядка. Во-вторых, в социально-футурологическом аспекте задается персоналистическая перспектива развития человеческой цивилизации, путь самоконтроля протоэтически мыслящего Человека, воспитуемого на основе «живой веры» в единство этико-аподиктического знания. В-третьих, предлагается научно обоснованный алгоритм практического построения общества солидарной ответственности планетарного масштаба, который может быть положен в основу проекта консолидации полиномического человечества.

Положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы в качестве теоретического материала в исследованиях проблем этико-эпистемологического характера, интегрированы в учебные курсы онтологии, теории познания, этики, философской антропологии, социальной философии, в программы дисциплин существующего цикла гуманитарных наук в целом.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре Гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета, где проводилось ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения и теоретические выводы, содержащиеся в диссертации, изложены в 16 научных статьях общим объемом 9,45 п. л. (соавторство не разделено). Три статьи опубликованы в изданиях, относящихся к перечню ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных положений диссертационных исследований.

Основные положения и результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, конгрессах и круглых столах: XVI, XVII, XVIII, XX и XXII Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ 2009, 2010, 2011, 2013, 2015); III Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (Москва,

МИРЭА 2009); Международная научно-практическая конференция «Глобализация: мифы и реальность» (Тюмень, ТГАМЭУП 2010); Региональный научно-практический круглый стол «Сознание, культура, человек: проблемы и перспективы» (Тюмень, ТГАМЭУП 2012); IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (Уфа, 2012); Региональный научно-практический круглый стол «Управление и социальный контроль в современном обществе» (Тюмень, ТГАМЭУП 2013); Всероссийская научно-практическая конференция «Современные научные исследования» (Когалым, филиал Тюменского госуниверситета, 2013); Международная научно-практическая конференция «Селивановские чтения» (Тюмень, ТГНГУ 2013). Результаты диссертационного исследования были использованы автором в учебном процессе Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права в рамках чтения лекций, ведения семинарских занятий по учебной дисциплине «Философия», а также в работе студенческого философского клуба «Пифагор».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих 8 параграфов, заключения, библиографии, включающей 235 наименований, в т. ч. 49 на иностранных языках. Объем диссертации составляет 301 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, указываются его объект, предмет, цель и задачи, раскрывается степень научной разработанности, методологические основания, научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации полученных результатов, указывается структура работы.

Первая глава – **«Этико-эпистемологическая поляризация аэтического мышления психологизма естественной установки сознания (естественного познания)»** – включает в себя четыре параграфа. В данном разделе диссертации дается феноменологическая дескрипция проблемы психологизма естественной установки сознания, определяется ее аэтическая сущность, выявляется этико-эпистемологическая поляризация аэтического мышления «естественного человека», исследуется ее социокультурная проекция, предварительно представляется этико-феноменологическая альтернатива, делается вывод о существовании пятиуровневой модели этического познания.

В первом параграфе – **«Этико-эпистемологический анализ проблемы психологизма (доредукционный период)»** – исследуются ранние дескрипции Э. Гуссерля проблемы психологизма. Проводится различение независимого от субъективно-психологизирующего мышления дедуктивно-теоретического мышления и соответствующих им видов познавательной очевидности (чувственно-созерцательной, формально-логической, априорно-метафизической). Осуществляется их предварительная проекция на заданные И. Кантом этико-эпистемологические координаты. Обосновывается, что

небрежением к субъективной способности переживания очевидности истинных суждений либо к идеально-логическому (объективному) единству теоретического знания как к сущностно-взаимосвязанным условиям познания обнажается методологический догматизм психологизма, формы которого (праксиологизм, формализм) влекут неэтические последствия. Последние характерны для всех теорий, в которых оправдано выведение вневременных логических законов из относительных фактов, и шире, когда аксиоматический генезис теории представлен в априорно-мифологизированном свете.

Во втором параграфе – **«Осмысление сущности психологизма естественной установки в период феноменологического воздержания (редукции)»** – на основе фундаментальных различений «региона духа» (Geist) и «региона фактов» проясняется психологистская («внутримирная» и дискурсивно-пассивная) специфика само-собой-разумеемости основоположений индуктивно-теоретического и дедуктивно-теоретического потенциалов «естественного познания», выявляется аэтическая сущность естественной установки сознания. Подчеркивается, что содержание соответствующих им типов мышления конкретизируется через «внутримирность» психофизической (ЧСО) и эйдетической (ФЛО, АМО) установок «естественного познания», которое в своем ассоциативно-пассивном смыслообразовании лишено изначального «познавательного проникновения» (активного смыслообразования) чистого сознания и потому требует его реактивации. Проясняется суть обнаруживаемой на грани перехода от мышления трансцендентально-психологистской субъективности к мышлению трансцендентально-феноменологической субъективности проблемы сущностной двусмысленности субъективности (принципиального трансцендентального психологизма). Доказывается, что наряду с Р. Декартом и И. Кантом психологизм характерен для всей универсально-объективистской науку «more geometrico» новоевропейской рациональности. Выявляется специфическая роль во «внутримирной» предметности последней личной живой телесности-плоти (Leibkörper) и масштабность повсеместно-латентной непроясненности механизмов ее изначальных объективаций в сознании. Важным является предварительно осуществленное различение двух типов мышления: трансцендентально-психологистского и трансцендентально-феноменологического (персоналистического), а также выявленная через «осаждение» (седиментацию) духовных образований в той или иной языковой традиции суть пассивного смыслообразования первого из них и суть восприимчивости последнего к очевидностям изначальной (интенциональной) активности сознания, его предназначенность к реактивации этико-аподиктического знания. Конкретизируются некоторые сложности, по причине психологизма возникающие при феноменологической трансформации мышления. Среди них проблема онто-гносеологической конгруэнтности структур онтологического и гносеологического дискурсов «естественного познания», согласно В. Б. Соколу, препятствующая пониманию сути трансформации одного типа мышления в другой (Мышления в Сознание).

Кроме того, проясняется место в этом переходе и последствия (апофатического, катафатического) признания чувства «абсолютной нищеты познания» (Гуссерль). Указывается на перспективы духовно-этической самоидентификации, преодолевающей либо не разрешающей сложности психологизации (седиментации) знания. Принципиальна определяемая через невосприимчивость к смыслообразующей активности чистого сознания аэтическая сущность психологистских методологий «естественного познания».

В третьем параграфе – **«Аэтическая установка познания и агрессивность этико-эпистемологической поляризации аэтического мышления»** – выявляются черты аэтической установки познания «естественного человека» и содержание ее аэтической поляризации.

Утверждаются ассоциативно-пассивный характер смыслообразования «языковой игры» коммуникативного пространства аэтической установки, соответствующие ей типы очевидности, сферы и субъекты «естественного познания». Устанавливаются ключевые черты-проблемы аэтического познания: сегментация (двойственность) субъективности, ложность начала координат (точки опоры) этико-эпистемологического «суждения», энтропия объективации и натурализации этических взаимоотношений, всенарастающее самосокрытие при самоидентификации и при попытках коммуникативной взаимоактуализации, пассивно-абстрактное (внутримирное) восприятие духовно-этической жизнедеятельности, непонимание «Другого». Определяются релятивистская и универсалистская этико-эпистемологические грани аэтической поляризации как конкурирующие потенциалы «естественного познания». С учетом названных полюсов аэтического мышления и феноменологических исследований В. И. Молчановым проблемы агрессивной рациональности вводится характеристика эпистемологической агрессивности, которая конкретизируется посредством специфически деформированного временного позиционирования и примера ее ресентиментальной проекции (Ф. Ницше, М. Шелер). Вскрывается масштабность аэтических стандартов взаимоотношений «естественного человечества». Вместе с этим, апеллируя к интуитивно-чувственному подходу познания и «ordo amoris» М. Шелера, уточняется характер кантовского психологизма.

В четвертом параграфе – **«Аэтическая поляризация в социокультурном универсуме П. А. Сорокина и ее феноменологическая альтернатива»** – производится социокультурное отражение аэтической поляризации, в первом приближении представлена примиряющая ее этико-эпистемологические полюса этико-феноменологическая альтернатива, составлена пятиуровневая модель этического познания.

Прежде всего, определяется психологистский характер методологии П. А. Сорокина. Обнаруживается, что связи между системами социокультурных суперсистем устанавливаются в манере отно-гносеологической конгруэнтности, когда внутримирными модификациями дискурсов пассивного смыслогенеза «естественного познания» полностью предопределяется содержание этического познания. Проводятся параллели между

психологистскими очевидностям аэтической установки познания и существующими в социокультурном универсуме системами бытия, истины и этики. Этико-эпистемологические потенциалы социокультурных ментальностей (эмпирико-чувственной, рационально-разумной и сверхчувственно-сверхрациональной) исследуются в контексте эпистемологической агрессивности «единства-вне-опыта» сознания изначально-подлинного. Принципиально осуществленное выявление психологистской специфики перечня «само собой разумеющихся» социокультурных проблем (сущего/должного, аэтической поляризации), а также переосмысление причин ценностных переворотов и флуктуаций социокультурных суперсистем. Обосновывается существование двух полюсов-тенденций развития социокультурного универсума, двух этико-эпистемологических стандартов отношений. Предварительно представлена связанная с универсализмом интенционально-генетического единства сознания и примиряющая противоречивость социокультурных измерений аэтической поляризации этико-феноменологическая альтернатива. Естественно вытекающим из представленной совокупности этико-эпистемологических подходов выводом является очевидность существования пятиуровневой модели этического познания.

Вторая глава – **«Сущность этического мышления в персоналистической перспективе этико-феноменологического воздержания (Э. Гуссерль, М. Шелер)»** – включает в себя четыре параграфа. В настоящем разделе диссертации проясняется специфика проблемы «непонятого Гуссерля». Обосновывается сущность этического мышления в следующей на основании метода интенционально-феноменологической редукции коммуникативно-персоналистической перспективе беспредпосылосности феноменологического воздержания. С заданной персоналистической рациональностью платформы сознания определяются принципы построения этоса радикальной автономии единого «Жизненного мира» и этико-эпистемологический стандарт агапэ-отношений.

В первом параграфе – **«Метод редукции и интенциональность: проблема непонимания»** – исследуется метод феноменологической редукции и проблемы, определяющие дискретность его осмысления и искажение сущности концепции интенциональной жизни сознания, намечаются этико-эпистемологические глубина и масштабность замысла феноменологического универсализма (радикального самопознания духа). Проводится дескрипция мотивов психологического (эйдетического epohe) и трансцендентально-феноменологического (радикального Epohe) шагов редукции. Раскрываются полагаемые ими совокупное приостановление значимостей дискурсов (языковой игры) пассивного смыслогенеза и пробуждение способности к прояснению-реактивации очевидностей протоактивного смыслообразования. Предварительно определяются отношения принципиальной параллельности между этико-эпистемологическим потенциалом «внутримирной» (в том числе эйдетически-мыслимой) «материей фактов» и надмирно-интенциональной

прото-предметностью сущностей-переживаний сознания. Устанавливаются значимость раскаяния (признания незнания) картезианского самопознания в установлении соответствующих отношений и трудности понимания «всеобщего обращения» естественной установки. Говорится о «мире в речи», словами М. Шелера, голом исполнении языковых символов, об эпистемологической агрессивности власти языка (лингвистических эквивокаций) «естественного познания», угрожающих регрессией судебно-трансцендентальной рефлексии, психологизацией интенциональной жизни сознания. Отчасти проясняется значение языковой дескрипции в понимании сути редукции и «обращения». Исследуется связанная с «искушением» (Ж. Деррида) «языковой игрой» и с нерелевантностью феноменологических дескрипций проблема «многоэготизма» (умножение субъектов внутренней коммуникации) хабитуальной субъективности «естественного познания», которая демонстрируется на основе проведенного В. Б. Соколом дискурсивного анализа четырех типов субъективности и осмысления модальностей «закрытого» (завершенного) проективно-теоретического универсума «философского ткачества» Д. Б. Зильбермана. В свете обозначенных проблем и на основании компаративного анализа позиций Д. Б. Зильбермана и Э. Гуссерля освещаются открывающаяся благодаря редукции глубина и масштабность замысла этико-феноменологического универсализма. В связи с проблемами и типами очевидностей «естественного познания» подтверждается целесообразность выделенной В. Б. Соколом лингвистически-психологической ступени редукции, которая следует за эйдетическим (психологическим) шагом и предшествует радикальному (интенционально-феноменологическому) шагу редукции. Осуществляется социокультурная проекция трехуровневой феноменологической редукции, в скобки заключены соответствующие социокультурной (онтогносеоэтические) принадлежности субъектов «естественного познания» реальности.

Во втором параграфе – **«Психологизм беспредпосылочности априорно-аксиологического эмпиризма М. Шелера»** – на примере аксиологического учения М. Шелера подлежит осмыслению характерная для большинства соратников феноменологического движения «падение» в трансцендентальный психологизм, а также проясняется прасимволическая специфика мышления феноменологической беспредпосылочности. Решению задач параграфа послужило исследование степени аутентичности методологической преемственности М. Шелера, осмысление осуществленной им редукции психофизического, лингвистического и трансцендентального субъектов аксиологически наивной (ресентиментальной) установки познания. Асимволическая специфика прото-языка аподиктически усматриваемых ценностей-переживаний (фактов-феноменов созерцания) априорно-эмоциональной жизни рассматривается сквозь призму беспредпосылочности сущностной интенции философской духовной (ценностно-феноменологической) установки познания, выделенной М. Шелером. Подчеркивается, что из любящей сущности ее беспредпосылочности

конституируются переживания порыва к подлинно ценностному миру и связанный с ним опыт автономии и ответственности. Демонстрируется непоколебимость оценки Э. Гуссерля в отношении антропологии М. Шелера как очередного учения метафизико-мифологического априори «естественного познания». Осуществляется анализ присутствующих в его учении черт психологизма, проводится параллель с остающейся в сетях аэтической установки познания идеационально-идеалистической ментальностью.

В третьем параграфе – **«Протоэтическое мышление интенционально-интерсубъективного (переживающего) «одиночества душевной жизни» и его коммуникативная сущность (суть феноменологического воздержания)»** – определяется протоэтическая сфера переживаний «одинокой душевной жизни» и доказывается коммуникативно-персоналистическая сущность протоэтического мышления беспредпосылочности феноменологического воздержания. Для решения поставленных задач, прежде всего, устанавливается смысл знаменуемого завершенностью радикального Epohe перехода к надмирно-априорной (интенциональной) жизни сознания. Проводится дескрипция принципиальных положений аподиктической этики «души» (Seele, Geist). Осмысляется функциональное (Л. Ландгребе, И. Керн) и ноэтико-ноэматическое содержание протоактивной (интенциональной) жизни сознания, как конституирующего «лона» этико-аподиктического знания, и определяется значение для процесса этической самоидентификации ноэтического и ноэматического срезов сознания. Объясняется суть принципиальной параллельности «надмирного» (протоактивного) и «внутримирного» (пассивного) регионов сознания, которой учитывается неизбежность интенционально-персоналистического возврата в отныне обретающую аподиктический статус «внутримирную» реальность. Проясняется невидимый генезис обозначенных в предыдущих параграфах проблем «многоэготизма» (двойственности), несоответствия сущего/должного, аэтической поляризации. Напоминается о сопряженной с драматичностью фрагментарного осмысления феноменологического наследия трудности предполагаемого при «переключении» установок «обращения» сознания. В связи с определением коммуникативной сущности протоэтического мышления конкретизируется интерсубъективность природы интенциональной жизни сознания. Исходя из этого предлагается теоретико-феноменологическое обоснование опыта «Другого» (Не-Я). Вхождением в интенционально-интерсубъективное пространство переживаний духовной (протоэтической) жизни и вытекающих на ее основе беспредпосылочных (восприимчивых) отношений (взаимоактуализации) обосновывается возможность (этико-феноменологического универсализма) интенционально-монадологической (протоэтической) коммуникативности в едином «Жизненном мире» как мире универсальной субъективности. Окончательно проясняется перспектива коммуникативно-беспредпосылочной трансформации отчужденной самоидентификации в отношениях аэтической поляризации. Следом за различением коммуникативно-протоэтической альтернативы осуществляется

осмысление и дескрипция этико-эпистемологических стандартов взаимоотношений, определяемых в свете феноменологического персонализма, постулирующего сущностную неразрывность самосознания и сознания чужого.

В четвертом параграфе – **«Персонализм этоса радикальной автономии (переосмысление принципов этических взаимоотношений идеационально-идеалистической социокультуры)»** – с этико-телеологической платформы персоналистической рациональности переосмысливаются возможность построения этоса радикальной автономии и принципы этических взаимоотношений идеациональной-идеалистической социокультуры, а также связанный с ними и представляемый в качестве футурологической перспективы цивилизационного развития общечеловеческой культуры этико-эпистемологический стандарт агапэ-отношений.

Для этого дается краткая (вводная) репродукция сделанного П. А. Сорокиным цивилизационного прогноза относительно текущей (энтропии аэтической сингулярности) социокультурной динамики и ее грядущих (идеационально-идеологических тенденций) флуктуаций. Стандарт коммуникативно-персоналистической рациональности обосновывается в качестве платформы осмысления принципов идеационально-идеалистической социокультурной трансформации. Важно, что на основе этико-эпистемологического персонализма этоса радикальной автономии представляется и переосмысливается интегральная идеационально-идеалистическая перспектива этики любви (агапэ-отношений) и связанный с ними религиозно-феноменологический путь этического преображения сознания. В осмыслении идеационально-идеалистических (теистических) философий санкхьи и веданты (Рамануджа, Джива Госвами) на древневосточном примере устройства варнашрамы (древнейшем прототипе общества агапэ как «религии вечного знания»), в значительной мере отраженного в «Государстве» Платона, устанавливается универсальный алгоритм и открытость принципов социокультурного самовоспроизводства (аутопойезиса) агапэ-отношений. Благодаря чему осмысливается путь окончательного «очищения сознания» от ресентиментального осадка аэтического познания, проясняется возможность примирения в предначертанной «Жизненным миром» (голосом Совести) аподиктической предназначенности взаимоотношений сенситивного-идеалистического познания природы и творческого духа идеационально-идеалистических прескрипций-откровений. Чем намечается этико-эпистемологическая перспектива цивилизационно-футурологического развития общечеловеческой культуры.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы теоретического и практического характера.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА

Публикации в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Скутин А.С. Состояние абсолютной (универсальной) этической расположенности в трансцендентальной философии И. Канта и Э. Гуссерля / А.С. Скутин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 195 – 205 (1,62 п.л.).

2. Скутин А.С. Аэтическое единство «природы» естественной установки сознания / А.С. Скутин, Л.Н. Шабатура // Вестник Новосибирского госуниверситета экономики и управления (НГУЭУ). 2014. № 2. С. 347 – 364 (1,25 п.л.).

3. Скутин А.С. Психологизм в осмыслении этико-феноменологической беспредпосылочности Э. Гуссерля / А. С. Скутин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 158 – 165 (1,17 п.л.).

Статьи и тезисы в журналах и материалах конференций

4. Скутин А.С. Свобода в философии постмодернизма, феноменологическая альтернатива / А.С. Скутин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №3. С. 87 – 90 (0,25 п.л.).

5. Скутин А.С. Интуитивное познание как образовательный метод / А.С. Скутин // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2009. 1 DVD-ROM. (0,2 п.л.).

6. Скутин А.С. Логика сущностей Э. Гуссерля в генезисе теории искусственного интеллекта / А.С. Скутин, В.Б. Сокол // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации: Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Никитиной. М.: Связь-Принт, 2009. С. 37 – 40 (0,18 п.л.).

7. Скутин А.С. Феноменологические предпосылки процесса глобализации / А.С. Скутин // ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ: Материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень: ТГАМЭУП, 2010. С. 208 – 210 (0,23 п.л.).

8. Скутин А.С. Феноменология справедливости / А.С. Скутин // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2011. 1 DVD-ROM. (0,18 п.л.).

9. Скутин А.С. Системы истины в сфере образования / А.С. Скутин // Академический вестник ТГАМЭУП. 2011. №3 (17). С. 130 – 135 (0,4 п.л.).

10. Скутин А. С. Интегральные парадигмы социокультурной реальности / А. С. Скутин // Академический вестник ТГАМЭУП. 2012. № 2 (20). С. 159 – 165 (0,55 п.л.).

11. Скутин А.С. Онтологический синтез типов социокультурных образований / А.С. Скутин // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. (0,4 п.л.).

12. Скутин А.С. «Сущее» как интерсубъективный генезис этического в социокультурном универсуме / А.С. Скутин // Материалы Международного научного форума «Ломоносов-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2013. Секция «Философия. Культурология. Религиоведение». 1 DVD-ROM. (0,23 п.л.).

13. Скутин А.С. Понимание «этического» в «социокультурном универсуме» / А.С. Скутин // Академический вестник ТГАМЭУП. 2013. № 2 (24). С. 35 – 47 (0,85 п.л.).

14. Скутин А.С. Феноменология этического в социокультурном универсуме / А.С. Скутин, Л.Н. Шабатура // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2 (20). С. 46 – 51 (0.55 п.л.).

15. Скутин А.С. Этико-феноменологическая альтернатива аэтической установке человека ресентимента / А.С. Скутин // Академический вестник ТГАМЭУП. 2014. № 2 (28). С. 227 – 242 (1,24 п.л.).

16. Скутин А.С. Этико-феноменологическое решение проблемы аэтической (эпистемологически агрессивной) поляризации мышления «естественного человека» / А.С. Скутин // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015. 1 DVD-ROM. (0,15 п.л.).